

ГИЛЬЕРМО ДЕЛЬ ТОРО
ДЭНИЕЛ КРАУС

ФОРМА
ВОДЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Т61

Guillermo del Toro and Daniel Kraus
THE SHAPE OF WATER

Публикуется с разрешения издательства *Feiweil & Friends*,
an imprint of Macmillan Publishing Group, LLC
и литературного агентства *Nova Littera SIA*.

Перевод с английского *Дмитрия Казакова*

Т61 **Торо дель, Гильермо; Краус Д.**
Форма воды : [фант. роман] / Гильермо дель То-
ро, Дэниел Краус; [пер. с англ. Д. Казакова]. —
Москва : Издательство АСТ, 2018. — 448 с.

ISBN 978-5-17-107764-8

1962 год. Элиза Эспозито работает уборщицей в исследова-
тельском аэрокосмическом центре «Оккам» в Балтиморе. Эта
работа — лучшее, что смогла получить немая сирота из приюта.
И если бы не подруга Зельда да сосед Джайлз, жизнь Элизы
была бы совсем невыносимой.

Но однажды ночью в «Оккаме» появляется военнотружа-
ющий Ричард Стрикланд, доставивший в центр сверхсекретный
объект — пойманного в джунглях Амазонки человека-амфи-
бии. Это создание одновременно пугает Элизу и завораживает,
и она учит его языку жестов. Постепенно взаимный интерес
перерастает в чувства, и Элиза решается на совместный побег
с возлюбленным. Она полна решимости, но Стрикланд не со-
бирается так легко расстаться с подопытным, ведь об амфибии
узнали русские и намереваются его выкрасть. Сможет ли Элиза,
даже с поддержкой Зельды и Джайлза, осуществить свой безум-
ный план?

УДК 821.111-312.9 (73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-107764-8

Text copyright © 2017 by Necropolis, Inc.;
Illustrations copyright © 2017 by James Jean
© Д. Казаков, перевод на русский язык, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Любви – во всех ее формах и обликах

*Смерть – это быстрый, как вода, поток:
Уносит травинку, уносит цветок.
Быстрый как выдох, быстрый как вдох.
А горе... тот лист, что без воды засох.*

Конрад Эйкен

*Не имеет значения, тепла вода или холодна,
если вы собираетесь перейти ее вброд.*

Пьер Тейяр де Шарден

Первобытное

1

Ричард Стрикланд читает коммюнике генерала Хойта.

В этот момент он находится на высоте в одиннадцать тысяч футов, и самолет с двух моторов трясет так, словно его лупит огромный боксер. Это последнее звено длинного перелета: Орlando — Каракас — Богота — Пиуайяль, последний — крохотная точка на карте где-то там, где сжимаются костяшки из кулака, пальцы которого — Перу, Колумбия и Бразилия.

Коммюнике — типичное армейское сочинение, оно испещрено черными отметинами редактуры. Оно рассказывает, дробной армейской поэзией, легенду о живущем в джунглях божестве.

Бразильцы именуют его Deus Vgânquia.

Хойт желает, чтобы Стрикланд сопровождал охотников, помог им поймать обитающее в джунглях существо, кем бы или чем оно ни было, и приволок его в Америку.

Стрикланд сделает это с радостью, ведь это будет его последнее задание для генерала Хойта, он в этом уверен. То, что Ричард творил в Корее, находясь под командованием Хойта, привязало его к генералу на двенадцать лет.

Их взаимоотношения — некая форма шантажа, и Ричард хочет от них избавиться, смыть, как грязь. Он завершит эту работу, самую важную в своей карьере, и об-

ретет достаточное количество заслуг, чтобы отказаться от службы Хойту. Затем он сможет отправиться домой, к Лэйни и детям, Тимми и Тэмми: он станет настоящим мужем и отцом, будет играть ту роль, которую невозможно исполнять, делая грязную работу для генерала.

Он станет новым человеком. Он сможет быть свободным.

Стрикланд вновь обращается к коммюнике, подстраивается под мозолистый и грубый склад ума, обычный для армии.

Эти жалкие убудки там внизу, в Южной Америке, — они бедны не потому, что не умеют засеять свои поля, нет, это Жабробог недоволен тем, что они лезут грязными человеческими лапами в джунгли.

Коммюнике все в кляксах, поскольку в самолете что-то капает с потолка. Стрикланд вытирает бумагу о штаны и читает: армия США верит, что *Deus Brânquia* имеет большое военное значение, и работа Стрикланда будет состоять в том, чтобы приглядывать за «интересами США» и держать команду охотников, как определяет Хойт, «мотивированной».

Стрикланд из первых рук знает теории мотивации, которых придерживается генерал.

Думай о Лэйни.

Хотя нет, учитывая то, что он должен сделать, лучше о ней не думать.

Португальские богохульства пилота оправданны, посадка — чистый ужас. Посадочная полоса буквально вырублена в джунглях.

Стрикланд, шатаясь, выходит из самолета и окунается в жару, как в воду, в дрожащее марево. Колумбиец в гавайских шортах и майке с логотипом «Бруклин доджерс» машет ему от пикапа. Маленькая девочка, сидящая в кузове, швыряет банан ему в голову, но он слишком утомлен полетом, чтобы реагировать.

ФОРМА ВОДЫ

Колумбиец отвозит его в «город», три небольших квартала, где скрипят колеса тележек с фруктами и бегают босые вислопузные дети. Стрикланд забредает в магазин и делает покупки, руководствуясь инстинктом: зажигалка, жидкость от насекомых, тальк для ног, герметичные пакеты.

Прилавок, по которому он пихает песо, потеет следами сырости.

Он изучал разговорник во время перелета и поэтому может спросить:

— *Você viu Deus Brânquia?*

Продавцы хихикают и дергают пальцами, приставив руки к шее.

Стрикланд совершенно не понимает, что это значит — эти люди пахнут остро и сильно, будто только что освеженный скот. Он выходит наружу, на покрытую асфальтом дорогу, которая тает под подошвами, и видит шипастую крысу, что ворочается в черном «навозе».

Она умирает, причем медленно, ее кости побледнеют и утонут в жидком асфальте.

Это лучшая дорога, которую Стрикланд увидит за следующие полтора года.

Звонок встряхивает прикроватный столик.

Не открывая глаз, Элиза нащупывает ледяную кнопку на макушке будильника. Только что она купалась в глаубоком, мягком и теплом сновидении, и она хочет вернуться туда, отодвинуть минуту мучительного пробуждения.

Но сновидение ускользает, прячется в глубине, как всегда.

Там была вода, темная вода — это она помнит, и тонны воды давили на Элизу, но она не тонула. На самом деле она

дышала в водной толще лучше, чем она дышит здесь, проснувшись, в продуваемых насквозь комнатах, пропахших дешевой едой, освещенных моргающими лампами.

Большая труба завывает где-то внизу, кричит женщина.

Элиза вздыхает в подушку: пятница, и это значит, что новое кино начали показывать в «Аркейд синема», круглосуточном кинотеатре, расположенном под ее квартирой, и это означает новые диалоги, звуковые эффекты и музыкальные номера, которые ей придется интегрировать в свой ритуал пробуждения, если она хочет не подпускать к себе постоянные, останавливающие сердце страхи.

Вслед большой трубе вступают малые, несется вопль множества людей.

Элиза открывает глаза, смотрит на будильник, который показывает 22.30, затем на полосы света от проектора, что прорываются через щели в полу, словно лезвия, насыщая пыльные половики фантастическими киношными цветами «Техниколор».

Она садится и изгибает спину, ощущая холод.

Почему воздух пахнет какао?

К странному запаху присоединяется неприятный шум: сирена пожарной машины откуда-то с севера, от Паттерсон-парка. Элиза опускает ноги на ледяной пол, и наблюдает, как двигается и вспыхивает под ней свет проектора.

Новый фильм, по крайней мере, ярче, чем предыдущий, черно-белая картина под названием «Карнавал душ»¹, и разноцветное сияние, струящееся по ее

---

¹ Художественный фильм в жанре «ужасы» режиссера Херка Харви. Особого успеха в год выпуска — 1962 — не имел, но со временем обрел статус культового и стал источником вдохновения для Дэвида Линча и Джорджа Ромеро. (*Здесь и далее — примеч. ред.*).

ФОРМА ВОДЫ

ступням, позволяет на миг скользнуть обратно в сновидение, в мечту. Там у нее много денег, просто огромное количество, и раболопный продавец надевает ей на ноги одни цветастые туфли за другими.

«О, вы выглядите восхитительно, мисс. В такой обуви вы покорите мир».

Но увы, это мир покорила ее.

Никакое количество безделушек, купленных за пенни по гаражным распродажам и пришипленных к стенам, не в состоянии скрыть попорченное термитами дерево или спрятать тараканов, что разбегаются, едва она включает свет.

Элиза выбирает не замечать все это — единственная надежда продержаться эту ночь, следующий день, последующую жизнь. Она отправляется на кухню, ставит таймер, бросает три яйца в ковшик с водой и бредет в ванную.

К омовению Элиза готовится с удовольствием, она медленно снимает пижаму, слушая, как набирается вода. Работающие дамы, которые порой оставляют женские журналы на столиках кафетерия, и бесчисленное количество статей научили ее тому, на каких частях тела стоит сосредоточить внимание.

Но груди и бедра не могут сравниться с пухлыми розовыми шрамами, что «украшают» ее шею с двух сторон.

Она наклоняется к зеркалу до тех пор, пока не ударится о стекло обнаженным плечом. Каждый из шрамов длиной в три дюйма и тянется от яремной вены до гортани. Далеко-далеко продолжают надрываться сирены — она прожила всю жизнь, тридцать три года, в Балтиморе и в состоянии отследить маршрут любой пожарной машины.

Шрамы на ее шее тоже похожи на карту дорог, ведь так?

Карту мест, о которых лучше не помнить.

Если погрузиться под воду с головой, то звуки кино-театра станут еще громче.

«Умереть за Хамоса — значит жить вечно!» — кричит девушка из кино, и Элиза не может сообразить, слышит она именно эти слова или другие. Она мнет в руках кусочек мыла, наслаждаясь ощущением того, что она сейчас более мокрая, чем вода, такая скользкая, что может струиться через жидкость подобно рыбе. Впечатление от этой приятной мечты прижимается к ней, тяжело, словно тело мужчины, и это неожиданно, ошеломляюще эротично.

Она бывала на свиданиях, занималась сексом, все это было. Годы назад.

Если мужчина встречает немую женщину, то немедленно пытается этим воспользоваться. Никогда никто из них не пытался заговорить с ней, они просто хватали и держали, словно она, лишенная голоса точно животное, и была не более чем животным.

Мужчина из мечты, сколь бы иллюзорным он ни был, — лучше.

Но таймер, его inferнальное пиликанье разбивает на осколки мокрый теплый мир. Элиза вздрагивает, чувствуя себя смущенной не смотря на то, что она одна, и поднимается, ее конечности медленно сохнут. Она заворачивается в халат и шлепает на кухню, где отключает плиту и обнаруживает плохие новости на циферблате часов: 23:07.

И где она потеряла столько времени?

Она втискивается в наугад выбранный лифчик, застегивает попавшуюся под руку блузу, гладит взятую наугад юбку. В мечте она ощущала себя безумно живой, сейчас же столь же инертна, как те яйца, что охлаждаются на тарелке. В спальне тоже есть зеркало, но она выбирает не смотреть в него, просто на тот случай, что она в самом деле невидима.

Едва Стрикланд находит пятидесятифутовое судно в назначенном месте, он пускает в ход зажигалку, чтобы сжечь коммюнике от Хойта.

Стандартная процедура.

«Теперь весь лист черный, — думает он. — Весь лист полностью отредактирован».

Само судно, подобно всему остальному, оскорбляет его военные стандарты: это мусор, приколоченный к мусору. Дымовая труба напоминает измятую грязную жестянку. Шины, развешенные по бортам, выглядят спущенными, а единственный кусочек тени дает простыня, растянутая на четырех шестах.

Да, будет жарко. Это хорошо.

Поможет выжечь мучительные мысли о Лэйни, о холодном и чистом доме, о шепоте пальм за окном. Вскипятит мозг, превратит его в клубок ярости, с помощью которого только и можно выполнить эту миссию.

Грязная коричневая вода пенится под досками пристани.

Одни члены команды белые, другие — загорелые, третьи — красно-коричневые. Некоторые покрыты табуировками и носят серьги.

Все тащат сырые ящики по доскам, которые опасно проседают под ногами. Стрикланд шагает следом и вступает на борт суденышка, носящего имя «Жозефина». Крохотные иллюминаторы предполагают наличие нижней палубы, достаточно большой, чтобы вместить капитана.

Само слово «капитан» терзает его.

Хойт здесь единственный капитан, а Стрикланд — его заместитель, и он вовсе не в настроении тратить время на слабоумного корабельщика, который думает, что он

тут главный. Он находит капитана, мексиканца в очках и с белой бородой, в белой рубашке, белых штанах и белой шляпе, напевающего что-то под аккомпанемент широких жестов.

— Мистер Стрикланд! — кричит капитан, и Стрикланд чувствует, что попал в одну из серий «Луни тьюнз», мультика, который смотрит сын: мииистер Стриииикланд!

Он запихал имя капитана в память, пролетая над Гаити: Рауль Ромо Савала Энрикес. Оно подходит, помесь банальности и помпезности.

— Смотрите! Скотч и кубинские, мой друг! Все для вас, — Энрикес подает сигару, зажигает собственную и наполняет два бокала.

Стрикланда обучали не пить на работе, но он позволяет капитану произнести тост.

— ¡To la aventura magnífico!¹

Они пьют, и Стрикланд позволяет себе мысль: все не так плохо.

Что угодно, чтобы проигнорировать, пусть на время, нависающую тень генерала Хойта и то, что может случиться с будущим Стрикланда, если он не сумеет правильно «мотивировать» Энрикеса. Пока он прихлебывает скотч, жар в его внутренностях уравнивается с царящим снаружи зноем.

Энрикес — человек, тратящий слишком много времени, выдувая кольца из табачного дыма.

Они совершенны.

— Курите, пейте, берите удовольствие! Вам придется забыть о такой роскоши! Хорошо, что вы приехали не поздно, мистер Стрикланд. «Жозефине» не терпится отправиться в путь. Подобно Амазонии, она не ждет человека.

---

¹ За великолепное приключение! (*португ.*)

ФОРМА ВОДЫ

Стрикланду не нравится подтекст.

Он опускает свой бокал и смотрит на собеседника.

Энрикес смеется, хлопает в ладоши.

— Люди вроде нас, пионеры *Sertao*!¹ Нет необходимости выражать воодушевление! *Los brasileiros*² окажывают нам честь словом *sertanista*³. Такой яркий начальный звук «си». Движет кровь?

Энрикес в отупляющих деталях пересказывает свой визит в филиал Института морской биологии. Клянется, что держал — его собственными *dos manos*!⁴ — окаменелые остатки того, что напоминало описание *Deus Brânquia*⁵. Ученые датируют их девонским периодом, который, вы знаете, мииистер Стриикланд, является частью палеозойской эры?

Именно это — подчеркивает Энрикес — и привлекает таких людей, как они, в Амазонию. Туда, где все еще процветает примитивная жизнь, где можно перевернуть календарь в обратную сторону и коснуться того, чего невозможно коснуться.

Стрикланд терпит, не задает вопрос больше часа, но потом сдается:

— Вы получили карты?

Энрикес втыкает сигару в пепельницу и хмурится в сторону иллюминатора. Обнаруживает нечто, достойное ухмылки и повелительного жеста.

---

¹ Сертан — мезорегион Бразилии, дословно с португальского — пустыня.

² Бразильцы (*португ.*).

³ Сертанцы (*португ.*).

⁴ Руками (*португ.*).

⁵ Жабробога (*португ.*).